

В ПОИСКАХ НОВЫХ ПУТЕЙ

Р. СОБОЛЕВ

 СЕНЬЮ прошлого года в шестой раз собрался в Бейруте (Ливан) традиционный «круглый стол» деятелей культуры и искусства стран Азии и Африки. В шестой раз проблемы развития театра, кино, музыки и телевидения этих стран сделались предметом обсуждения. Сегодня этот форум стал достоянием истории, но проблемы, по которым дискутировали его участники, сохраняют свою остроту и актуальность.

Нет ничего удивительного, что организаторы такого рода встреч прилагают немало сил, чтобы ограничить разговор кругом сугубо профессиональных вопросов, придать дискуссии прежде всего научный характер. Мысль, из которой при этом исходят, проста и бесспорна: обмен мнениями специалистов из десятков стран с различным социально-общественным строем, как бы ни был этот разговор ограничен, сам по себе служит благородному делу взаимного духовного обогащения народов.

Жизнь, однако, вносит решительные коррективы в академически респектабельные разговоры, и тогда вдруг оказывается, что даже обсуждение судьбы какого-нибудь древнего экзотического театра может быть плодотворным лишь при наложении художественных аспектов на насущные для данной страны экономические и социальные проблемы. В качестве частного примера здесь можно привести затянувшуюся на VI «круглом столе» дискуссию о театре теней: поспорив об истоках и посетовав на сегодняшнее грустное состояние этого своеобразного театра, специалисты сошлись на том, что спасти театр теней может лишь активное вмешательство правительств или международных организаций, обладающих изрядными материальными средствами...

Ромил Павлович Соболев (род. в 1926 году) — кандидат искусствоведения, заместитель главного редактора издательства «Искусство».

Пример мелкий, но, пожалуй, достаточно характерный. Академические аспекты судеб искусства в развивающихся странах безусловно важны и актуальны, но еще важнее тот факт, что сегодня судьба всех видов искусства — от архаичных до модернистских — зависит от правительственной помощи, а значит — от государственной политики. И лишь там, где политика правительства соответствует чаяниям народа, нет «ножниц» между творческими идеалами передовых художников и деятельностью государства, нет трагического разрыва связей между искусством и политикой. Понимание этого обстоятельства характеризовало, к примеру, выступления многих представителей арабских стран, в частности представителей ОАР и Иордании, без околичностей заявивших, что в охране и развитии национальных традиций они исходят из опасности, нависшей над их культурой в связи с агрессией Израиля и потоком американизированных суррогатов культуры, направляемым не только из Америки.

Если уж мы коснулись взаимоотношений культуры и политики, то стоит отметить, что в существе своем они, эти взаимоотношения, не представляют собой какой-либо загадки. Линия идеологического разграничения между капиталистическими и развивающимися странами обладает весьма большой четкостью и конкретностью. И сегодняшний этап развития культуры — это время активной и ничем не прикрытой политики ее. То, что прежде официально считалось функцией ораторов и газет и что будто бы не имело отношения к «чистому искусству», ныне откровенно возлагается на искусство всех видов и форм. Так, очевидно, что сообщения об ускоренном переходе голливудских студий в собственность финансовых, нефтяных и промышленных хозяев Америки захватить помимо экономических, еще и идеологические рычаги господства над собственной страной и зависимыми от США государствами. Ведь во многих районах мира голливудская продукция занимает более половины, а кое-где до 90 процентов всего экранного

Тунис. Женщина из глубинных районов.

времени. Социологи госдепартамента давно приравнивали идеологическое воздействие голливудских фильмов к воздействию глобальной радиосети «Голос Америки».

Так же очевидно и то, что нарочитое отстранение какого-либо правительства от материальной поддержки искусства и декларативный отказ от руководства им есть на деле политический акт, и акт сугубо реакционный, ибо в результате национальное искусство данной страны отступает, а может быть, и невосвратно гибнет под натиском чуждой и зачастую враждебной ему культуры развитых капиталистических государств. О культурном неокOLONIALИЗМЕ с тревогой говорили многие представители развивающихся стран — бывших колоний Европы и Америки.

К сожалению, мы сегодня наблюдаем такой момент истории человеческой культуры, когда для сохранения национальных духовных ценностей бывает недостаточно и понимания реальной опасности идеологического неокOLONIALИЗМА, и доброго желания сберечь и приумножить национальные богатства. Ко всему этому необходимо приложить еще солидные материальные средства, поскольку в наше время развитие культуры — дело чрезвычайно дорогостоящее. Театр Н. в городе Н. может быть взят на иждивение не только правительством страны с городом Н. или каким-нибудь департаментом ЮНЕСКО, но и меценатствующим шейхом или магараджей. Создание же и обеспечение нормального функционирования современной кинопромышленности и телевизионной сети под силу только национальному капиталу — либо превращенному в общенародную собственность, либо присвоенному группой частных лиц. Но ведь действительность в некоторых развивающихся странах такова, что там недостает подчас средств и для спасения от голода детей.

На VI «круглом столе» был момент, показавшийся мне драматичным и достаточно характерным для затронутой здесь проблемы. С докладом о некоторых аспектах народного творчества выступила представительница Индии. Это был весьма квалифицированный доклад, но среди чинного и вежливого обмена мнениями, следовавшего за выступлением эрудированной индианки, вдруг прозвучал подлинный крик души. Молодая француженка, изучающая в Индии танцы и оказавшаяся в Бейруте проездом, со слезами на глазах рассказала о потрясающей бедности ее индийских коллег-артистов и заявила, что если им немедленно не помогут, то эти редкие знатоки народного искусства умрут от голода...

Да, на земле есть и такие места, где понятие «спасать народное искусство» имеет прямое значение спасения его хранителей от нищеты, болезни, вымирания.

Спасение народных искусств и ремесел — задача совсем не простая, связанная не только с проблемой бедности. В последнее десятилетие из-за невиданного развития международного туризма поставщики народных изделий отдельных стран не успевают удовлетворять спрос настолько, что многие простакни из Европы и особенно Северной Америки увозят домой «турецкие ятаганы», «африканские маски», «испанские шпаги» и «египетских скарабеев», сделанных конвейерным способом в Соединенных Штатах, Западной Германии и чаще всего в оперативно действующей Японии. (Делают все: мне самому

довелось видеть «хохломыские» деревянные ложки, вырезанные в Гонконге.) Но хотя туристский ненасытный рынок и спасает народных мастеров от голода, он ни в коей мере не решает самой проблемы; напротив, процесс умирания подлинно народного искусства ускоряется, ибо прибыль-то дает лишь товар массового спроса, дешевой, не трудоемкий, не художественно индивидуализированный.

Об этом в Бейруте говорили многие, в частности с большой откровенностью — пакистанский киновед Аламгир Кабир, заявивший, что «проблема развития искусств у нас — это проблема бедности». Экономическая отсталость, явление само по себе достаточно трагическое, становится подлинным национальным бедствием, когда перед страной встает задача развивать современные виды профессионального искусства и средства массового общения — кино, телевидение, радио. Здесь самый простой и соблазнительный путь — обращение за помощью к богатым и опытным странам Запада, как правило, к недавним странам-метрополиям, язык которых хорошо знаком. Но тем самым начинается процесс духовного порабощения, не менее опасного по своим последствиям, чем экономическая зависимость.

Есть, кроме того, и еще один аспект развития культуры в молодых странах, также, хотя и опосредованно, связанный с их бедностью. Аспект, считающийся настолько спорным, что если бы не коллективный опыт человечества, то он бы и не подлежал обсуждению. Речь идет о том, что есть какая-то очевидная, хотя еще никем четко не установленная, зависимость между культурным потенциалом и численностью населения данной страны.

Небольшое государство сталкивается с немалыми трудностями в строительстве культуры: более того, создать современные коммуникационные средства таким странам трудно даже в случае решения первоочередных экономических задач...

Что это так, можно убедиться, взглянув на не веселое состояние дел в ливанском кинематографе. Ливан, как известно, — страна сравнительно высокого жизненного уровня. Она способна, как сообщили мне тамошние кинематографисты, создавать до десяти фильмов в год. Но ливанские фильмы — большая редкость, чем ливанские кедровые леса, они появляются изредка в результате героических усилий энтузиастов и чаще всего не приносят ничего, кроме разочарования, ни создателям, ни зрителям. Причины тому просты и очевидны: низкий художественный уровень, снимающий даже мысль о конкуренции с фильмами, идущими в Ливан с Запада и Востока. Кроме того, ливанская тематика оборачивается провинциальностью, никому, особенно не интересной, при попытке выхода на зарубежные рынки.

Ливанский казус знаком и некоторым другим развивающимся странам, и есть опасность, что в дальнейшем он превратится в распространенное явление.

Совершенно очевидно, что выход здесь один — в создании региональных производственных баз и рынков сбыта. Однако давать советы — не дело искусствоведа, тем более что работники департаментов культуры развивающихся стран, соглашающиеся обсуждать этот вопрос, резонно указывают, что культурная интеграция родствен-

ных по языку и жизненному укладу стран возможна только после интеграции политической, а это в ряде мест земного шара будет решено весьма и весьма не скоро.

Итак, можно констатировать две беды, переживаемые большинством развивающихся стран: бедность и разъединенность усилий в развитии своих национальных культур. Случись это лет 30—40 назад, можно было бы со спокойной совестью сказать, что время все исправит, что через десять, или двадцать, или сколько-то лет все станет на свои места, и хотя с теми или иными издержками, но культура этих стран встанет на ноги, сбросит идеологическое господство монополий, впитает все лучшее из сокровищниц мировой цивилизации, обогатит в свою очередь ее собственными ценностями... Но сегодня для столь чрезмерного оптимизма нет достаточных оснований.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ — НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Ни в чем так не сказывается необходимость регионального сотрудничества, как в деле развития телевизионных сетей. Все вопросы культурного строительства в развивающихся странах неотложны, но телевидение среди них занимает особое место. Однако здесь очень мало способов решения.

Можно без всякого риска пророчествовать: 70-е годы будут временем «телевизионной культуры» в развивающихся странах, когда главное внимание и очень большие средства достанутся именно этому новорожденному искусству и когда телевизионный бум, уже забытый в развитых странах, достигнет самых отдаленных районов земли. Предугадать это можно и по тому, как настойчиво многие развивающиеся страны готовят сейчас технические и творческие кадры телевидения, и по тому, какие надежды возлагаются на телевидение там, где уже не очень удачно испытаны традиционные средства борьбы с неграмотностью и отсталостью масс, и, наконец, по элементарному анализу складывающейся обстановки в мире.

О телевидении много пишут и говорят. Не было, пожалуй, ни одного собрания работников культуры, на котором не вспыхнул бы спор о том, что есть телевидение — благо или проклятие XX века. Спор возникает при том, что спорящие достаточно умны, чтобы понимать: телевидение, подобно атомной энергии, может быть и созидательной и разрушительной силой в зависимости от того, кто и в каких целях использует это замечательное изобретение. Так же понятно и то, что телевидение — новая реальность человеческой культуры и независимо от того, как мы сами относимся к «голубому экрану», сегодня именно телевидение является наиболее действенным орудием массовой агитации, именно телевидение наиболее успешно формирует общественное мнение и оказывается самым популярным средством развлечения.

Особенность сегодняшнего телевидения в том, что ныне его проблемы столь же занимают искусствоведов, сколь политиков и юристов. Когда американцы сообщили о намерении создать к середине 70-х годов свою систему космовидения и залить мир своей телеинформацией, потоками своих фильмов, зрелищ и рекламы, наступил момент резкого разлома проблем телевидения на

две неравноценные части: одна стала академической, другая — международной, остро политической. Слова, которыми маскируются истинные цели, не могут никого обмануть. Даже «Фигаро», которую трудно заподозрить в объективности, писала однажды: «Директор Информационного агентства США Маркс заявил от имени президента Джонсона, что США могут предложить свои спутники развивающимся странам в просветительных целях. Но где начинается и где кончается просвещение, например, для африканских народов? Реклама стиральных машин могла бы составить часть этой системы...». Здесь можно добавить одно: если бы только реклама стиральных машин!

В сущности при современном уровне развития техники создание телевизионного центра не представляет никаких трудностей даже для самой небольшой страны. Однако создание телевизионной сети, полноценно функционирующей, удовлетворяющей все потребности, выполняющей задачи и информационные, и развлекательные, и воспитательные, и образовательные — дело трудное и для очень больших стран. Если нужен тому пример, то сошлемся на известные трудности, с которыми столкнулась Индия, в конце концов обратившаяся за помощью к Соединенным Штатам и первой из стран Азии согласившаяся на запуск специального телевизионного спутника. С подобными трудностями, надо думать, столкнутся и другие страны, строящие сегодня свои телецентры.

Появление технической возможности прямой трансляции (спутник-приемник) порождает опасность удушения существующих и строящихся национальных телевизионных станций, не способных, конечно, конкурировать с передачами развитых стран. (Есть так называемые языковые трудности, но, как можно судить по прессе, они могут быть решены на основе опыта, накопленного «Голосом Америки» и «Би-Би-Си».) Национальным телевизионным станциям, как провинциальным газетам, останутся лишь местные новости, поскольку эти станции никогда не смогут иметь такие же возможности для передачи международной информации и даже для показа фильмов, какими обладают мощные телекомпании Запада. Можно вспомнить в этой связи, что в самой Америке мелкие телевизионные станции не поглощались сетями, но сами отдавались им со всеми своими потрохами в силу того, что никто не смотрел их примитивные программы. А ведь на будущее космовидение собираются возложить и образовательные функции, и заполнение досуга детей — то, что особенно трудно дается слабым станциям.

Результат всего этого может быть лишь один: превосходное, самое совершенное средство информации и воспитания масс превратится в глобальное средство культурного неокolonнализма, если, конечно, все будет так, как рассчитывает американский империализм, выдающий сейчас в телевидении главное оружие идеологической диверсии и против социалистического, и против «третьего» мира. Но конец XX века, помимо всего прочего, есть еще эпоха окончательного крушения колониализма, в том числе и культурного. Расчеты на идеологическое господство с помощью современных коммуникационных средств обречены на такой же провал, какой терпят все попытки империализма использовать свою военную мощь для подавления социальных

движений в недавних колониях, хотя в настоящий момент еще и неясно, какие защитные меры будут приняты. Можно напомнить, что еще в 1947 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию против «злонамеренной пропаганды». Сегодня проблемы «идеологизации космоса» не сходят со страниц печати.

Представитель французского радио и телевидения самокритично рассказывал в Бейруте о невысоком качестве передач на Африку. Его выслушали терпеливо и равнодушно, — между прочим, искусствоведам свойствен, как правило, изрядный снобизм в отношении телевидения, они крайне неохотно впускают странную одиннадцатую музу на Парнас и не интересуются тем, что не искусство в телевидении. Сетования работника телевидения они восприняли как должное, тем более что он, разумеется, говорил правду. Но затем, как принято говорить — в кулуарах, один из африканских гостей грустно заметил, что как бы то ни было, а все лучшее на их телевизионные экраны приходит из Франции. И это тоже было правдой: тому, кто не видел сам, невозможно представить, сколь удручающе низок уровень вещания местных телецентров.

Получается некий заколдованный круг: развивающиеся страны остро нуждаются в телевидении, но не имеют реальных возможностей создать добротную сеть сами, их уже действующие станции портят вкусы зрителей и пичкают их чепухой или все той же целлулоидной кинопошлостью; выход либо в региональных сетях, либо в обращении за помощью к индустриально раз-

витым странам, а те не только охотно идут навстречу, но готовы вложить миллиардные суммы — лишь бы окутать своими телевизионными сетями весь мир, и их цели при этом настолько прозрачны, что встает проблема защиты народов от идеологической экспансии через технику телевидения... Круг этот лишь внешне замкнут, на деле он легко разрывается. Среди проблем развивающихся стран, если верить экономистам, демографам и другим подобным специалистам, есть настолько сложные, что потребуются очень и очень много сил и времени для их разрешения. Но проблема телевидения — не из их числа, поскольку она постепенно из сферы экономики и техники переходит в сферу политической борьбы развивающихся народов за независимость.

Говорят, что появление телевизионных спутников над Азией и Африкой будет означать начало нового испытания совести человечества. Возможно. Но прежде всего это будет, должно стать очередным этапом борьбы против империализма, против попыток идеологической экспансии. И в любом случае империализм не может рассчитывать на то, что народы, сбросившие оковы колониализма, подчинятся идеологической экспансии. Значение современных коммуникационных средств понятно каждому. Широко известно определение Секу Туре: «Роль революционной информации является решающей в развитии и координации революционной борьбы».

(Окончание следует)

Мусульмане СССР совершают хадж

Весной этого года группа советских мусульман во главе с видным общественно-религиозным деятелем, председателем Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтием Зияутдином Бабахановым совершила паломничество (хадж) к священным местам ислама — в Мекку и Медину (Саудовская Аравия).

Советские мусульмане посетили также Объединенную Арабскую Республику, Сирию и Иорданию, где были тепло приняты мусульманской общественностью арабских стран, виднейшими исламскими деятелями.

На снимке: Делегация мусульман — паломников из СССР на приеме в крупнейшем исламском учебном заведении — Каирском университете «Аль-Азхар». Третий справа в первом ряду — глава делегации муфтий Зияутдин Бабаханов.